This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Книгоиздательство „Молотъ“

STANFORD
LIBRARIES

В. Либкнехтъ.

Робертъ Оуэнъ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Переводъ съ нѣмецкаго Л. Г.

HX
696
09
L5417
1905

Цѣна 5 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва «Народная Польза». Коломенская ул., с. д., № 89.
1905.

Slavonic
28874

Робертъ Оуэнъ.

Робертъ Оуэнъ родился 14 мая 1771 года въ Англіи, въ уѣздномъ городкѣ Ньютоунѣ, графства Монгомери, гдѣ его отецъ имѣлъ лавочку и содержалъ почтовую станцію. Мать его происходила изъ почетной семьи арендаторовъ, по имени Вилльямсъ. Хотя старикъ Оуэнъ и не имѣлъ состоянія (онъ утверждалъ, что, благодаря безсовѣстности своего адвоката, онъ потерялъ имѣніе, принадлежавшее ему по праву и ежегодно дававшее 500 ф. ст. дохода), тѣмъ не менѣе, онъ жилъ въ сносныхъ матеріальныхъ условіяхъ и принималъ горячее участіе въ городскомъ самоуправленіи. Робертъ, младшій изъ семи братьевъ и сестеръ, въ дѣтствѣ былъ очень слабаго здоровья, страдая, главнымъ образомъ, отъ неправильнаго пищеваренія, что рано вынудило его вести точно урегулированный и чрезвычайно умѣренный образъ жизни. Строгая діэта, которую онъ съ желѣзной послѣдовательностью проводилъ всю свою жизнь, достигла цѣли: изъ болѣзненнаго мальчика выросъ человѣкъ, который легко переносилъ высшее физическое и умственное напряженіе и, несмотря на неустанную работу и различныя тяжелыя испытанія, прожилъ много дольше предѣльнаго человѣческаго возраста, сохранивъ до послѣдняго дня весь юношескій пылъ.

На пятомъ году отъ роду маленькаго Роберта послали въ школу. Онъ учился такъ прилежно, что уже въ 7 лѣтъ имъ пользовались для обученія младшихъ учениковъ (этотъ обычай и понынѣ сохранился въ Англіи). Въ свободные часы онъ съ жадностью читалъ всѣ книги, которыя только попадались ему въ руки, особенно романы и историческія сочиненія. Родители его, хотя и принадлежали къ господствующей

церкви, вели тѣмъ не менѣе дружбу съ членами другихъ сектъ и были свободны отъ фанатизма; они не препятствовали любознательности мальчика, такъ что онъ могъ развиваться довольно свободно и самобытно. То обстоятельство, что христіане, магометане и евреи ненавидятъ другъ друга, а главное, то, что даже христіане различныхъ исповѣданій враждуютъ между собой, очень рано заронило въ душу мальчика мысль, что въ основѣ всѣхъ имѣющихся религій, вѣроятно, лежитъ ложный принципъ. Какъ уже сказано, онъ былъ слабымъ ребенкомъ; а т. к. онъ былъ, къ тому же, послушнымъ и покорнымъ, то ему почти совершенно не пришлось испытать тѣлесныхъ наказаній, ни въ родительскомъ домѣ, ни въ школѣ. Рѣдкія исключенія производили на него тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе и возмущали его до глубины души. Однажды, онъ не понялъ приказанія матери и потому невѣрно выполнилъ его. Отецъ досталъ плеть, которой остальныя дѣти уже неоднократно наказывались, а Робертъ никогда, и высѣкъ мальчика, клявшагося въ своей невинности. «Ты сознаешься, что былъ непослушенъ?» «Нѣтъ». Въ отвѣтъ на это онъ получилъ новую порцію, еще болѣе сильную, чѣмъ первая. «А теперь ты сознаешься, что ты былъ непослушнымъ и заслужилъ наказаніе?» «Нѣтъ, даже еслибъ ты меня засѣкъ до смерти!» — былъ отвѣтъ юнаго упрямца, и глазомъ не моргнувшаго. Отецъ призналъ себя побѣжденнымъ, дѣло было выяснено, и Робертъ никогда болѣе не подвергался тѣлесному наказанію. Онъ никогда не забылъ этого случая и впослѣдствіи сдѣлалъ изъ него выводы.

Въ 9 лѣтъ онъ уже зналъ все, чему можно было научиться въ Ньютоунской школѣ, и попалъ затѣмъ въ ученіе къ одному лавочнику, но жить остался въ родительскомъ домѣ. Недолго, однако, это ему улыбалось; онъ хотѣлъ повидать свѣтъ и, когда ему минуло 10 лѣтъ, его послали въ Лондонъ къ старшему брату, который въ скоромъ времени досталъ ему мѣсто въ Стамфордѣ у одного купца, нѣкаго *Мякъ-Гуффога.*

Его новый хозяинъ добился благосостоянія тяжелымъ

трудомъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ порядочнымъ человѣкомъ и обладалъ сильнымъ характеромъ, а потому молодой Оуэнъ не только встрѣтилъ у него гуманное отношеніе, но и получилъ основательную дѣловую подготовку. Онъ оставался здѣсь 4 года и отлично использовалъ время. Всякую минуту, которую онъ могъ сберечь отъ службы, онъ употреблялъ на чтеніе и занятія. Хотя онъ занимался, главнымъ образомъ, такъ называемыми точными науками: математикой, естественными науками и исторіей, тѣмъ не менѣе онъ много размышлялъ о вопросахъ религіознаго характера и укрѣплялся въ своихъ сомнѣніяхъ. Тѣмъ болѣе знаменательнымъ и предвѣщающимъ будущаго государственнаго и соціальнаго реформатора является тотъ фактъ, что уже тогда онъ старался лишить воскресный отдыхъ его религіознаго характера и толковалъ его какъ благодѣтельную мѣру защиты трудящагося человѣчества. Работа по воскресеньямъ и тому подобное «оскверненіе субботняго дня», чему онъ былъ еженедѣльнымъ свидѣтелемъ, его такъ возмущали, что онъ написалъ стоявшему тогда во главѣ правительства Питту длинное письмо, въ которомъ требовалъ строгаго соблюденія закона о праздничномъ отдыхѣ. Разумѣется, письмо было брошено въ корзину для бумаги. Страннымъ совпаденіемъ, однако, является то, что, какъ и у Прудона, первымъ общественнымъ актомъ Оуэна было выступленіе въ защиту воскреснаго отдыха. Мы впослѣдствіи встрѣтимся еще съ другимъ предложеніемъ реформы, въ которомъ англійскій соціалистъ на много лѣтъ опередилъ французскаго.

Упомянемъ изъ того времени характерный для Оуэна анекдотъ: между покупателями мистера Макъ-Гуффога была дама «болѣе богатая деньгами, нежели умомъ». Она пришла однажды въ лавку и потребовала самаго тонкаго ирландскаго полотна. Ей показали требуемое, заявивъ, что цѣна его — 8 шиллинговъ за ярдъ *). «Я желаю лучшаго качества; это полотно недостаточно хорошо для меня». Ее увѣряли, что

*) Ярдъ равняется тремъ футамъ; 1 шиллингъ—1 маркѣ—45.

болѣе тонкаго и дорогого, чѣмъ въ 8 шиллинговъ, не существуетъ. Напрасно: барыня не давала себя разубѣдить; но такъ какъ Макъ-Гуффогъ не хотѣлъ терять богатой покупательницы, то онъ велѣлъ принести кусокъ полотна, которое, будто бы, и было non plus ultra тонкости, но зато будто и стоило 10 шиллинговъ ярдъ. Тогда дама осталась довольна и купила полотно. Недовольнымъ, однако, остался приказчикъ, въ головѣ котораго уже гнѣздились далеко не коммерческія мысли. Проучить глупую женщину—это было хорошо и справедливо; но совершить обманъ—этого не должно было быть! И онъ поставилъ въ счетъ лишь по 8 шил. за ярдъ; что же оказалось въ результатѣ? Барыня подумала, что произошла ошибка, и послала причитавшуюся, по ея мнѣнію, вѣрную сумму, сосчитавъ по 10 шил. за ярдъ. Когда же ей объяснили, въ чемъ дѣло, она пришла въ сильнѣйшій гнѣвъ: надъ ней, молъ, надсмѣялись, ее безсовѣстно обманули. Напрасно старались ей разъяснить, что мнимый обманъ заключался именно въ томъ, что ея не обманули: господинъ Макъ-Гуффогъ безповоротно потерялъ свою лучшую покупательницу. Мы не знаемъ, что онъ думалъ по поводу этого неудачнаго примѣненія знаменитаго жизненнаго правила: «Honnesty is the best policy», т.-е. честность— наилучшая политика. А оригинальнаго мечтателя, котораго судьба забросила въ его лавку, этотъ случай еще болѣе укрѣпилъ въ его далеко не коммерческихъ воззрѣніяхъ. Вмѣсто того, чтобы изъ него извлечь «практическій» урокъ, что честность и торговля имѣютъ такъ же мало общаго, какъ честность и политика (которая, вѣдь, въ наши дни не что иное, какъ гешефтъ), онъ сдѣлалъ выводъ, что лишь насквозь исковерканныя и ненормальныя условія дѣлаютъ не только возможнымъ, но даже вызываютъ подобное. Передъ его разумомъ, стремившимся проникнуть въ глубь вещей, все болѣе и болѣе выяснялась пропасть, существующая между теоретически признанными правилами морали и правилами жизненнаго опыта, проводимыми на практикѣ; онъ *началъ задавать себѣ вопросъ*, вѣчна ли эта пропасть, суще*ствуетъ ли она въ силу* неизмѣннаго закона природы, или

на—лишь слѣдствіе измѣнчивыхъ общественныхъ условій, до-
ступныхъ преобразованію. Человѣкъ, дошедшій до того, чтобы
адавать себѣ серьезно этотъ вопросъ, не имѣетъ уже покоя
тѣхъ поръ, пока не найдетъ разрѣшенія его или смерти.

Въ 1785 году, снабженный рекомендаціями Макъ-Гуф-
ога, неохотно его отпускавшаго, Робертъ отправился въ
ондонъ, этотъ гигантскій городъ, таинственное величіе ко-
раго притягивало его, какъ магнитъ. Здѣсь онъ скоро на-
елъ мѣсто приказчика на жалованье въ 25 фунт. стерл. въ
одъ на всемъ готовомъ—условія, очень выгодныя для маль-
ика 14 лѣтъ. Хотя работы было много, но онъ, по край-
ей мѣрѣ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи поздніе вечерніе
асы, и занимавшаяся заря заставала его большею частью
а книгами. Однако, Оуэнъ недолго остался на этомъ
ѣстѣ; ему предложили должность въ Манчестерѣ, дававшую
а 15 ф. ст. больше, и онъ тѣмъ охотнѣе за нее ухватился,
то его тогда уже начало интересовать колоссальное развитіе
лопчатобумажнаго производства, главнымъ центромъ котораго
же въ то время былъ Манчестеръ.

Въ Манчестерѣ онъ не запускалъ ни дѣла, ни занятій,
о его вниманіе было также направлено на кипучую внѣш-
юю жизнь, полную труда; пытливымъ взоромъ онъ присма-
ривался къ новому міру современной крупной промышлен-
ости, которая кругомъ него шумѣла, стучала, пряла желѣз-
ыми пальцами, ткала желѣзными руками на «жужжащемъ
танкѣ времени», желѣзной горстью осыпала сотни людей зо-
отымъ дождемъ и ввергала ихъ въ нищету.

Должны ли тысячи людей быть обречены на смерть и
ищету для того, чтобы сотни могли высоко возсѣдать на
олесницѣ фортуны? То было величавое время. Въ Англіи
авершался огромный общественный переворотъ, въ то время
акъ на противоположномъ берегу, во Франціи, подготовля-
ась величайшая изъ политическихъ революцій, уже бросавшая
вои мрачныя тѣни.—Паровая машина (Уайта), *бумагопрядиль-
ая машина* (Аркрейтъ и Кей) и паровой ткацкій станокъ
(артрейтъ) вызвали полный переворотъ въ старомъ способѣ

производства. Мелкое производство было осуждено на гибель; у ремесла, заключеннаго въ мелкобуржуазныя рамки, была вырвана почва изъ подъ ногъ, и общество было брошено въ океанъ разбушевавшейся свободной конкурренціи, въ войну всѣхъ противъ всѣхъ, гдѣ вмѣсто дубинъ и алебардъ съ сокрушительной силой потрясали стержнями, и гдѣ выходившій на бой безоружнымъ или недостаточно вооруженнымъ находилъ неминуемую смерть, подобно тому, какъ 4 вѣка тому назадъ находили ее крестьяне, выходившіе нагими противъ закованныхъ въ латы рыцарей.

И понынѣ еще свирѣпствуетъ эта война, но все же теперь въ культурныхъ странахъ введены нѣкоторыя постановленія, до нѣкоторой степени ограничивающія варварство. Въ то время вовсе не существовало фабричныхъ законовъ, никакого закона въ защиту женщинъ и дѣтей. Рабочая масса была всецѣло отдана во власть капитала, и «конквистодоры», побѣдители Мексики и Перу, не болѣе жестоко и беззастѣнчиво эксплоатировали туземцевъ, чѣмъ то дѣлали конквистодоры новаго міра крупной промышленности съ подвластнымъ имъ рабочимъ людомъ.

Оуэнъ съ содроганіемъ смотрѣлъ на эти ужасы, но въ то же время онъ сознавалъ, что крупная промышленность сильно повышала производство. Польза была очевидна, точно также, какъ и вредъ. Но былъ ли послѣдній неизбѣженъ? Нельзя ли было обезпечить за обществомъ пользу, не оставляя въ придачу вреда? Онъ съ рвеніемъ принялся за изученіе бумагопрядильнаго производства, этой важнѣйшей отрасли промышленности, и скоро проникъ во всѣ его тайны; ему хотѣлось самому сдѣлаться хлопчатобумажнымъ фабрикантомъ. Въ 1789 г. онъ познакомился съ механикомъ, по имени Джонсъ, который предложилъ ему сообща основать фабрику для изготовленія новыхъ прядильныхъ машинъ; онъ на это согласился, отказался отъ своего мѣста и сдѣлался «машиннымъ фабрикантомъ» съ капиталомъ въ 100 ф. ст., которые онъ занялъ у своего брата въ Лондонѣ. Джонсъ не оказался дѣльнымъ человѣкомъ; кромѣ того, онъ не хотѣлъ слушаться никакихъ совѣтовъ, и поэтому

Оуэнъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ счелъ за лучшее продать свою часть въ дѣлѣ одному капиталисту, а самъ вернулся къ своему первоначальному плану. На вырученныя деньги онъ нанялъ фабричное зданіе, большую часть котораго онъ сдалъ жильцамъ, и поставилъ пару прядильныхъ машинъ. Ему отлично пригодился тогда опытъ, пріобрѣтенный имъ на кратковременномъ поприщѣ машиннаго строителя, и въ скоромъ времени онъ пріобрѣлъ хорошихъ заказчиковъ. Но недостатокъ въ капиталѣ мѣшалъ ему на каждомъ шагу, такъ что, когда онъ узналъ въ одинъ прекрасный день, что богатый бумагопрядильный фабрикантъ Дринкинватеръ, отъ котораго внезапно ушелъ управляющій, ищетъ новаго, онъ моментально рѣшился и предложилъ свои услуги г-ну Дринкинватеру. Сказано, сдѣлано. Господинъ Дринкинватеръ вначалѣ измѣрилъ нѣсколько удивленнымъ и презрительнымъ взглядомъ юношу, еле достигшаго 20 лѣтъ, который осмѣливался желать стать во главѣ одной изъ самыхъ крупныхъ фабрикъ Англіи: „Вы слишкомъ молоды.“ «Года 4 или 5 тому назадъ я былъ бы таковымъ». «Сколько разъ въ недѣлю вы напиваетесь»? (этотъ вопросъ интересенъ въ культурно-историческомъ отношеніи) «Я еще никогда въ жизни не былъ пьянъ». «Какое жалованье вы требуете?»—«Триста фунтовъ стерлинговъ». Короткіе рѣшительные отвѣты внушили уваженіе г. Дринкинватеру: онъ навелъ подробныя справки и въ результатѣ принялъ Оуэна на службу. Это было въ 1791 году. Французская революція, волновавшая въ то время міръ, повидимому, не произвела на Оуэна большого впечатлѣнія; политическіе вопросы всегда представляли для него лишь второстепенный интересъ.

Господинъ Дринкинватеръ не имѣлъ основаній раскаиваться въ своемъ выборѣ. Молодой управляющій вскорѣ ввелъ порядокъ въ запущенномъ учрежденіи и до такой степени усовершенствовалъ машинную систему, что въ короткое время фабрика стала вырабатывать пряжу, признанную самой тонкой въ Англіи. При этомъ рабочимъ хорошо платили и съ ними гуманно обращались. По истеченіи года Дринкинватеръ, желавшій какой бы то ни было цѣной сохранить у себя такого

дѣльнаго работника, увеличилъ жалованье съ 300 ф. ст. 400 и обязался Оуэну по контракту на третьемъ году на тить 500 ф.*) а по истеченіи послѣдняго сдѣлать своего упр вляющаго участникомъ въ дѣлѣ. Но еще до истеченія сро контракта Оуэнъ обидѣлся на Дринкинватера за поступок невѣрно имъ понятый, какъ онъ самъ впослѣдствіи согласил освободилъ его отъ всѣхъ обязательствъ и основалъ въ Ма честерѣ собственную бумагопрядильню, но исключительно д такихъ сортовъ пряжи, которые не изготовлялись на фабри Дринкинватера, такъ какъ, несмотря на разногласія съ п слѣднимъ, онъ не хотѣлъ ему вредить. Предпріятіе удалось, Оуэнъ сталъ крѣпко на ноги; остальные фабриканты восхищ лись имъ, какъ дѣльцомъ, и осмѣивали, какъ чудака: онъ находилъ удовольствія въ развлеченіяхъ, на которыя о коллеги убивали время и деньги, а велъ жизнь настоящ отшельника и разставался со своими книгами лишь для то чтобы отправиться въ «Литературное и философское общество избравшее его членомъ, гдѣ онъ встрѣчался съ людьми, которыхъ надѣялся кое чему научиться, съ людьми, въ ро поэта Кольриджа, химика Дальтона, изобрѣтателя Фультона;** послѣднему онъ оказывалъ поддержку значительными сумма для его опытовъ. Когда же Оуэнъ случайно попадалъ въ общ ство своихъ товарищей по дѣлу, то, если его вообще удав лось заставить говорить, что было не легко, такъ какъ о былъ очень несловоохотливъ, онъ выкладывалъ на свѣтъ Божій т кія ужасныя идеи, что господамъ фабрикантамъ становилось страш и больно, идеи, которымъ скоро суждено было превратить въ плоть и кровь. Мы дошли теперь до поворотнаго пунк въ жизни Оуэна. Онъ выступаетъ изъ частной жизни, чтоб перейти въ исторію.

Въ концѣ прошлаго (XVIII) столѣтія, онъ попалъ во время д ловой поѣздки въ Нью-Ланаркъ, въ Шотландіи. Тамъ онъ позн комился съ господиномъ Дэлю, однимъ изъ владѣльцевъ мѣс ныхъ фабрикъ; знакомство съ отцомъ повело къ знакомству

*) *Фунтъ стер.—20 шил.* - около 20 марокъ—около 9 рублей.
**) *Фультонъ построилъ* первый пароходъ.

очерью, а знакомство съ послѣдней—къ любви; Оуэнъ сталъ ругомъ и зятемъ Дэля и совладѣльцемъ Нью-Ланарка. Въ 800 году онъ взялъ на себя управленіе всѣми учрежденіями, звѣстными подъ именемъ «Нью-Ланаркъ мильссъ». *) Фабрика ь Нью-Ланаркѣ была основана въ 1784 году гг. Дэль и ичардомъ Аркрейтомъ (принимавшимъ участіе въ изобрѣтеніи рядильной машины), когда бумажная пряжа впервые была ведена въ Шотландіи. Преимущество примѣненія водяной силы зъ Клейдскаго водопада рѣшило выборъ этой мѣстности, немотря на то, что она ничего собой не представляла въ другихъ отношеніяхъ. Земля кругомъ была необработана; рѣдое, грубое, почти дикое населеніе; а дороги были такъ дурны, го даже рьяные любители красотъ природы не сразу рѣшались посѣщать Клейдскіе водопады. Нужно было найти рабоія руки для фабрики, а это было нелегкой задачей, такъ акъ долгая однообразная работа въ закрытыхъ помѣщеніяхъ ыла не по вкусу мѣстному населенію. Родители, не успѣвшіе ривыкнуть къ современнымъ человѣческимъ жертвоприношеіямъ, упорно отказывались отпускать дѣтей, на которыхъ осоенно разсчитывала новая промышленность. Пришлось обратиься въ рабочіе дома для бѣдныхъ, «Воркгаузы», **) запраилы которыхъ стояли выше подобныхъ предразсудковъ; такимъ бразомъ было постепенно набрано 500 дѣтей (большею частью, зъ Эдинбурга), которыхъ поили, кормили и воспитывали въ пеціально для этого построенномъ домѣ. «Человѣколюбіе гоподина Дэля подвергалось испытанію для того, чтобы обезпеить точное исполненіе его договора»,—пишетъ Оуэнъ. Чтобы ривлечь взрослыхъ рабочихъ, вокругъ фабрики выстроили оселокъ и сдали дома за недорогую плату; но работа такъ ыла непопулярна, что лишь немногіе согласились тамъ посеиться, за исключеніемъ окончательно опустившихся, безраотныхъ субъектовъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было средствъ

*) Мильсс означаетъ, собственно, «мельница». Въ Англіи «мельница» *обычное обозначеніе фабрики, такъ какъ до паровой силы примѣнялась водяная.*

**) *Рабочіе дома для бѣдныхъ—«Бастиліи бѣдняка»—каменное свидѣтельство гуманности и благожелательности капитала къ рабочимъ.*

къ существованію. Даже такихъ не явилось въ достаточномъ количествѣ, а тѣ, которые изучили работу и могли быть полезными, оказывались въ большинствѣ случаевъ безпорядочными и непокорными.

Что касается дѣтей, то, по тогдашнимъ понятіямъ, они были поставлены въ благопріятныя условія: комнаты были просторны, чисты и съ хорошей вентиляціей; пища достаточная и здоровая; одежда красивая и удобная. Не было недостатка во врачебной помощи, въ дѣльныхъ учителяхъ и заботливыхъ надзирателяхъ. Но зато существовали и серьезные недочеты. Комитеты о бѣдныхъ требовали, чтобы дѣтей принимали уже съ 6-тилѣтняго возраста, если ихъ вообще допускали къ работѣ. Нашли необходимымъ, чтобы эти маленькія существа работали вмѣстѣ съ взрослыми съ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера, и уже послѣ того, какъ они были такимъ образомъ измучены, начинались занятія. Вскорѣ появились неизбѣжныя послѣдствія: бѣдныя дѣти возненавидѣли свое рабство; многія убѣгали; оставшіяся были частью искалѣчены и сдѣлались карликами; и какъ только истекалъ срокъ ученію, 13 или 15-ти лѣтъ они отправлялись, большею частью, въ Гласго или Эдинбургъ, совершенно не зная свѣта, не имѣя никого, кто бы о нихъ заботился, какъ бы спеціально подготовленныя къ тому, чтобы погибнуть въ порокѣ и нищетѣ городской жизни. Оуэнъ снимаетъ въ этомъ отношеніи всякую вину съ Дэля и взваливаетъ всю отвѣтственность на комитеты, которые должны были отдавать дѣтей въ ученіе лишь по окончаніи ихъ первоначальнаго воспитанія. Но онъ правильно говоритъ: если подобныхъ ужасовъ нельзя было избѣжать у самаго лучшаго работодателя, то можно себѣ представить, какъ обстояло дѣло у болѣе плохихъ хозяевъ. Положеніе поселившихся въ деревнѣ семействъ было въ высшей степени печальное: пьянство, лѣность и нищета одинаково царили надъ ними. Братъ одного изъ управляющихъ устраивалъ періодическія попойки и часто по цѣлымъ *днямъ, недѣлямъ не работалъ*. Воровство было сильно въ ходу, *и, въ особенности, считалось* формальнымъ правомъ расхищать

мущество Дэля. Отвращеніе Оуэна къ этимъ условіямъ зна-
ительно еще увеличивалось религіозной темнотой, которая
кутывала всю эту грязь. Онъ разсказываетъ въ своей авто-
іографіи *), что религіозные обряды соблюдались самымъ
очнымъ образомъ и что люди, принадлежавшіе къ различ-
ымъ сектамъ, съ настоящимъ фанатизмомъ держались убѣж-
енія въ исключительной правильности ихъ секты, единственно
оставляющей вѣчное блаженство; всякаго же, мыслящаго иначе,
резирали и ненавидѣли подъ вліяніемъ извѣстнаго религіоз-
аго непогрѣшимаго рвенія. Безъ сомнѣнія, этотъ опытъ при-
елъ Оуэна къ убѣжденію, что религія сама по себѣ — зло,
что только поверхностные люди могутъ выставлять сектант-
тво и фанатизмъ, какъ ошибки, противодѣйствующія «истин-
ой религіи». Господинъ Дэль самъ поощрялъ это безчинство
ѣмъ, что въ религіозныхъ разладахъ и ссорахъ рѣшительно
ралъ сторону извѣстнаго направленія.

Другое зло заключалось въ томъ, что обитатели фабрич-
аго поселка, вслѣдствіе далекаго разстоянія отъ базарныхъ
ѣстъ, вынуждены были платить за всѣ жизненные припасы
есоразмѣрно высокую цѣну, что, само собой, вызывало недо-
ольство. Какъ только Оуэнъ вникъ въ положеніе, онъ рѣ-
ился на основательную реформу, дабы вырвать зло съ
орнемъ. Трудность задачи усилила лишь его рвеніе, и онъ
зялся за нее такъ же, какъ врачъ предпринимаетъ леченіе
особенно опасной и сложной болѣзни, которая возбуждаетъ его
аучный интересъ. Онъ заявилъ своимъ друзьямъ, что на-
ѣревается положить начало совершенно новой системѣ,
сновывающейся на справедливости и добротѣ; что онъ обра-
итъ, главнымъ образомъ, вниманіе на воспитаніе дѣтей и
ачнетъ съ отмѣны всѣхъ наказаній. Надъ нимъ посмѣялись,
о насмѣшники вскорѣ были посрамлены.

Онъ приступилъ къ дѣлу. «Невѣжество»,—пишетъ біографъ
уэна, Саргентъ,—«безнравственность, ханжество и сектантство,
резмѣрное обремененіе работой, дороговизна необходимѣйшихъ

*) *Собственноручное описаніе жизни.*

жизненныхъ продуктовъ и въ довершеніе всего—упорное предубѣжденіе противъ него, англичанина, говоръ котораго былъ одинаково мало понятенъ шотландскимъ рабочимъ, были ли то горцы или обитатели низменныхъ мѣстностей — все это становилось ему поперекъ пути. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что остальные участники дѣла смотрѣли на это предпріятіе, главнымъ образомъ, съ дѣловой точки зрѣнія и прежде всего заботились о хорошемъ доходѣ. Положеніе Оуэна по отношенію къ компаньонамъ было еще тѣмъ затруднительнѣе, что изъ всѣхъ нихъ онъ обладалъ наименьшимъ состояніемъ».

Рабочіе относились съ недовѣріемъ; привыкши, чтобы ихъ эксплоатировали, они во всякомъ нововведеніи чуяли попытку еще болѣе эксплоатировать ихъ рабочую силу.

Неудивительно, что въ первые два года было мало сдѣлано. «Не было средства»,—пишетъ Оуэнъ,—«которое бы не было пущено въ ходъ противъ меня; крѣпость предразсудковъ и злоупотребленій, которую я твердо рѣшилъ завоевать, защищали систематически и упорно».

Оуэнъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы дѣйствовать силой. Онъ понималъ, что было очень много наиболѣе необходимыхъ преобразованій, которыхъ нельзя было выполнить по мановенію руки, тѣмъ болѣе, что у него не было никакой поддержки. Служащіе на фабрикѣ видѣли въ немъ непрактичнаго фантазера, который могъ погубить дѣло своими экспериментами, и предпочитали оставлять свои мѣста, чѣмъ соглашаться на такія «странности». Онъ не только долженъ былъ найти твердую почву, чтобы возвести свое зданіе, но и сперва подготовить и обработать необходимый строительный матеріалъ. Прежде всего, нужно было привлечь людей, которые бы его поддержали, работали бы вмѣстѣ съ нимъ. Это было не легко, но при необыкновенномъ умѣніи Оуэна открывать способности каждаго и каждому указывать подходящее мѣсто, ему удалось пріобрѣсти необходимыя силы. И тогда съ неутомимымъ усердіемъ и *упорнымъ постоянствомъ* онъ приступилъ къ своему дѣлу: *Исправленію взрослыхъ.*

Воспитаніемъ дѣтей.

Прежде всего было необходимо установить извѣстный порядокъ на самой фабрикѣ и положить конецъ системѣ хищенія, которая грозила привести предпріятіе къ банкротству.

Для такого мыслителя, какъ Оуэнъ, съ самаго начала не могло быть рѣчи о репрессивныхъ мѣрахъ. Какая была бы польза отъ того, еслибъ онъ отправилъ нѣсколько дюжинъ „рабочихъ рукъ“ въ исправительный домъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ на висѣлицу? Наказанные устранялись бы этимъ временно или навсегда изъ міра живыхъ, но это не помогло бы ни имъ, ни тѣмъ, которые остались безъ наказанья; это не помогло бы ни фабрикѣ въ частности, ни обществу вообще. Въ личную виновность, въ обыкновенномъ значеніи слова, Оуэнъ, вообще, не могъ вѣрить, благодаря своимъ благоразумнымъ взглядамъ. Если эти люди предавались пьянству, вели распутную жизнь, обкрадывали другъ друга и фабрику, то не они были отвѣтственны за это, а тѣ условія, которыя сдѣлали ихъ такими, какими они были: прежде всего — неудовлетворительное, ложное воспитаніе, затѣмъ ихъ положеніе, недостойное человѣка, при которомъ ихъ человѣческія права не уважались и, слѣдовательно, не могли у нихъ вызвать уваженія къ правамъ ближняго. Посему Оуэнъ отказался отъ какого бы то ни было наказанія; онъ старался побороть недовѣріе этихъ людей добротой и разумными доводами, вліять на нихъ наставленіями, а главное, уяснить имъ, что въ ихъ интересахъ соблюденіе трезвости, трудолюбія и честности. Чтобы положить конецъ воровству на фабрикѣ, онъ сдѣлалъ разумныя распоряженія, которыя облегчали раскрытіе преступленій и возлагали полицейскія обязанности на самихъ рабочихъ. Всякій, кто выказывалъ стараніе, получалъ болѣе выгодную и пріятную работу, чѣмъ та, которой онъ занимался раньше. Однимъ словомъ, Оуэнъ старался установить „гармонію интересовъ“, но не въ томъ смыслѣ, въ которомъ въ послѣднее время такъ *позорно злоупотребляютъ*, и который ни въ чемъ иномъ не *состоитъ*, какъ въ томъ, чтобы рабочіе подчиняли свои *интересы* интересамъ хозяевъ и терпѣливо давали себя эксплуа-

атировать имъ,—нѣтъ, та „гармонія интересовъ“, къ которой стремился Оуэнъ, было общество, основанное на равноправіи и справедливости. Вообще онъ хотѣлъ основать не образцовую фабрику, а образцовое общество въ миніатюрѣ. Фабрика не служила для него цѣлью, а лишь средствомъ для испытанія и осуществленія его преобразовательныхъ плановъ, которые, чѣмъ дальше, тѣмъ принимали все болѣе опредѣленный и грандіозный характеръ. Учрежденія въ „Нью-Ланаркѣ“ были для Оуэна полемъ для его опытовъ; этимъ обществомъ въ миніатюрѣ онъ хотѣлъ доказать существующему обществу правильность и выполнимость его идей соціальныхъ реформъ; онъ хотѣлъ опровергнуть смѣшной доводъ нелогичныхъ умовъ и трусливыхъ филистеровъ: то, что хорошо въ теоріи, негодится на практикѣ.—Немного времени спустя въ Нью-Ланаркѣ начало замѣчаться улучшеніе положенія во всѣхъ отношеніяхъ, обезоружившее насмѣшниковъ и невѣрующихъ. Кражи прекратились, при чемъ ни одинъ рабочій не подвергся судебному или какому либо иному взысканію. Да и поведеніе рабочихъ, какъ на фабрикѣ, такъ и внѣ ея, совершенно измѣнилось. Пьянство встрѣчалось все рѣже, несмотря на то, что Оуэнъ не прибѣгалъ къ тѣмъ глупымъ запретамъ, въ которыхъ современные проповѣдники трезвости видятъ спасеніе. Онъ отнюдь не осуждалъ употребленія спиртныхъ напитковъ и не думалъ даже закрывать находившіеся въ поселкѣ трактиры, какъ это ему совѣтовали. И здѣсь онъ систематически вырывалъ зло съ корнемъ. Почему рабочіе предавались этому „пороку“? Во-первыхъ, потому, что у нихъ не было достаточнаго физическаго питанія и они, поэтому, вынуждены были прибѣгать къ искусственнымъ возбуждающимъ средствамъ; во-вторыхъ, потому, что у нихъ не было ни сноснаго домашняго очага („home“), ни удовлетворительной семейной жизни, и они чувствовали себя лучше въ кабакѣ, нежели дома; и въ-третьихъ, наконецъ, потому, что въ умственномъ отношеніи они *такъ отстали, что* у нихъ совершенно отсутствовало всякое *пониманіе высшихъ интересовъ*: большинство изъ нихъ даже *читать не умѣло. Эти три* источника зла слѣдовало уничтожить,

чтобы достичь настоящаго продолжительнаго успѣха. дѣйствовалъ планомѣрно. Онъ уничтожилъ отвратител. систему уплаты товаромъ, которая, какъ и повсюду въ Великобританіи, была сильно въ ходу въ Нью-Ланаркѣ, и рабочіе не были больше вынуждены получать бо́льшую часть своего жалованья въ видѣ плохихъ и дорогихъ товаровъ. Зато Оуэнъ основалъ потребительное общество, первое и, вѣроятно, наилучшее изъ когда-либо существовавшихъ. Онъ закупалъ товары и, въ особенности, съѣстные припасы высшаго качества въ большомъ количествѣ и отпускалъ ихъ безъ барыша рабочимъ, желавшимъ быть участниками этого дѣла, по закупной цѣнѣ, лишь за вычетомъ административныхъ расходовъ. Въ результатѣ, всѣ рабочіе сдѣлались членами потребительнаго общества, и населеніе Нью-Ланарка было поставлено въ отношеніи питанія и одежды лучше всѣхъ въ Англіи. По тому же принципу для холостыхъ была устроена столовая, въ которой имъ отпускалась по своей цѣнѣ здоровая пища, стоившая въ другомъ мѣстѣ вдвое и втрое дороже. Такъ какъ имѣвшіяся квартиры не отвѣчали требованіямъ „цивилизованнаго образа жизни“, Оуэнъ велѣлъ выстроить по своимъ указаніямъ коттеджи (маленькіе жилые дома), снабженные просторными комнатами, удобно расположенными кухнями и т. д.; кромѣ того, имѣлись садики для воздѣлыванія овощей, плодовъ и цвѣтовъ, а для дѣтей были устроены мѣста для общихъ игръ. Новые дома съ принадлежавшими къ нимъ садиками и мѣстами для игръ сдавались за очень низкую плату, покрывавшую только проценты на затраченный капиталъ и расходы по содержанію, и, само собою, предпочитались рабочими прежнимъ „собачьимъ конурамъ“.

Болѣе труднымъ или, вѣрнѣе сказать, болѣе кропотливымъ предпріятіемъ являлось повышеніе умственнаго уровня рабочихъ; тутъ нужно было начать сразу съ двухъ концовъ: одного воспитанія молодежи было недостаточно, да и подростающее *поколѣніе* не должно было оставаться въ его умственномъ *запустѣніи*. Для молодежи была устроена большая школа, въ *скоромъ времени* ставшая подъ личнымъ руководствомъ Оуэна

образцовой. Были привлечены дѣльные учителя и учительницы, которые, при безусловномъ исключеніи тѣлесныхъ наказаній, даже самыхъ легкихъ, обучали дѣтей чтенію и письму, математикѣ, исторіи и т. д. и обращали вниманіе прежде всего на свободное развитіе умственныхъ способностей и выработку самостоятельнаго мышленія и на развитіе индивидуальности и характера. Механическое загроможденіе памяти было воспрещено, а изъ уроковъ закона Божія изгнано все, что шло наперекоръ разуму и морали, и что могло оказать какое либо содѣйствіе сектантскимъ предразсудкамъ. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что школа Оуэна, быть можетъ, самое превосходное, что было до сихъ поръ сдѣлано на педагогическомъ поприщѣ, и представляется намъ, даже нынѣ, послѣ почти трехъ четвертей вѣка, недостигнутымъ и, въ данный моментъ, благодаря завоеваніямъ „государства интеллигентовъ“ недосягаемымъ идеаломъ. *).

Для взрослыхъ были устроены образовательныя школы, читальни и библіотеки и, несмотря на отсутствіе какого либо принужденія извнѣ, участіе рабочихъ было всеобщее, такъ что въ сравнительно короткое время въ Нью-Ланаркѣ не было ни одного взрослаго, за исключеніемъ вновь переселившихся или стариковъ, который бы не умѣлъ читать и писать и не обладалъ бы извѣстнымъ образованіемъ, далеко превышающимъ средній уровень его въ Англіи.

Одинаково гуманно и практично была организована работа на фабрикѣ. Штрафы были принципіально отмѣнены. Платили хорошо, и Оуэнъ растолковалъ людямъ, что чѣмъ лучше будетъ ихъ работа, тѣмъ выше будетъ плата и тѣмъ больше можно будетъ заботиться о благѣ рабочихъ. Онъ отъ нихъ не скрывалъ, что и собственникамъ фабрики это будетъ выгоднѣе, но, указывая на то, что онъ сдѣлалъ и продолжалъ дѣлать для улучшенія положенія рабочихъ, онъ могъ заявить съ

*) Недостигнутымъ еще и послѣ дальнѣйшихъ 18 лѣтъ. Доказательствомъ, въ какой упадокъ пришло «государство интеллигентовъ», служитъ школьный вагонъ Цейдлица, хотя и потерпѣвшій крушеніе, но явившійся классическимъ выразителемъ «государства интеллигентовъ» fin de siècle.

тою совѣстью, что сама фабрика составляла для него лишь
дство къ цѣли, а цѣлью его было разрѣшеніе проблемы: посред-
омъ труда, бывшаго до того времени проклятіемъ рабочаго,
зпечить рабочему существованіе, соотвѣтствующее человѣческому
тоинству, и помочь работающей массѣ достигнуть нормальнаго
ическаго и умственнаго развитія. Единственное принужде-
, которое оказывалось, было моральнаго свойства, а именно,
нужденіе общественнаго мнѣнія. Всѣ рабочіе вмѣстѣ обра-
али, такъ сказать, судъ присяжныхъ, который рѣшалъ воп-
ъ о томъ, исполняли ли отдѣльныя лица свои обязанности
нѣтъ. Чтобы дать этому суду необходимыя основы для
изнесенія приговора, Оуэнъ напалъ на оригинальное сред-
о: «Silent Monitor». *) Онъ велѣлъ изготовить для каждаго
бочаго четыре разноцвѣтныя дощечки: бѣлую, зеленую, си-
ю и черную. Первая означала хорошо, вторая — довольно
рошо, третья—посредственно, а четвертая—неудовлетвори-
ьно. Смотря по успѣхамъ рабочаго за недѣлю, вывѣшива-
ъ въ слѣдующій понедѣльникъ одна изъ этихъ дощечекъ
ало него, такъ что каждый могъ судить о другомъ. Этотъ
ilent Monitor", за точностью и справедливостью котораго
энъ самъ зорко слѣдилъ, имѣлъ кромѣ этого еще то пре-
ущество, что рабочіе, неисполнявшіе своихъ обязанностей,
бавлялись отъ устнаго выговора надзирателя, ибо, хотя
энъ и выбиралъ надзирателей съ чрезвычайною осторож-
стью, тѣмъ не менѣе онъ слишкомъ хорошо зналъ человѣ-
кій характеръ, чтобы не знать, что право дѣлать выго-
ры взрослымъ заключаетъ въ себѣ нѣчто унизительное и
зываетъ злоупотребленія. Конечно, можно возразить, что
ilent Monitor» было патріархальнымъ наставническимъ уч-
жденіемъ, но не нужно забывать, въ какой деспотической
висимости и ужасной запущенности Оуэнъ нашелъ рабочихъ.
нъ хотѣлъ дѣйствовать, какъ наставникъ, онъ хотѣлъ вос-
тать рабочихъ, и въ этомъ то и состоитъ его безсмертная
луга. *Что же касается* патріархальности, слѣды которой,

*) Нѣмой напоминатель.

бесспорно, носить вся преобразовательная дѣятельность Оуэна
то надо принять въ расчетъ обстоятельства и людей. Въ на
стерской нашего времени рабочимъ, конечно, едва ли бы поз
равался «Silent Monitor», но другія времена, другіе нравы
и въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, окажется еще
что нѣмой напоминатель болѣе сносенъ, чѣмъ говорящій, ру
гающійся, а иногда даже и дерущійся, какихъ не мало на
шихъ современныхъ мастерскихъ и фабрикахъ.

Оуэнъ основалъ въ Нью-Ланаркѣ въ 1809 г. первыя ясли дл
дѣтей и первый дѣтскій садъ (Infant school), и всѣ позднѣйшія за
веденія такого рода устроены по Оуэновскому образцу.

Взгляды на воспитательные принципы Оуэна выясняются
изъ рѣчи, произнесенной имъ въ Глазго въ 1812 г. въ честь
его друга Ланкастера, знаменитаго англійскаго школьнаго ре
форматора. Въ ней онъ говоритъ: «Въ чемъ состоитъ при
чина физическаго и умственнаго развитія, которое мы вид
замѣчаемъ въ людяхъ? Врождено ли оно или происходитъ благо
годаря той почвѣ, на которой мы родились? Очевидно, ни
то, ни другое. Различіе это единственно только результатъ
разнообразныхъ условій и воспитанія. Изъ человѣка можетъ
выйти грубый, жестокій дикарь, людоѣдъ, или просвѣщенное
благородное существо, смотря по условіямъ, въ которыя онъ
попадаетъ послѣ рожденія. Отсюда слѣдуетъ, что самое глав
ное для насъ—извѣстить, въ состояніи ли мы повліять на эти
условія, можемъ ли мы ими овладѣть и, если да, то въ
какомъ размѣрѣ.

Предположимъ такой случай: ради насъ увезли бы
нѣсколько новорожденныхъ дѣтей изъ нашего отечества въ
отдаленныя страны, передали бы туземцамъ и оставили бы
среди нихъ. Могли ли бы мы сомнѣваться въ результатѣ? Нѣтъ.
Дѣти, всѣ безъ исключенія, уподобились бы тѣмъ туземцамъ,
какими бы не былъ ихъ характеръ. И если бы, точно такимъ
же образомъ, произошелъ обмѣнъ любого количества новорож
денныхъ дѣтей между „Обществомъ друзей“, *) въ которомъ

*) Такъ называется секта квакеровъ.

принадлежитъ нашъ достойный гость Іосифъ Ланкастеръ, съ одной стороны, и заброшенными людьми, обитающими въ . Жиллѣ **)—съ другой, то, подрастая, дѣти первыхъ упо-ребились бы вторымъ, готовыя на всякое преступленіе, въ то время, какъ дѣти вторыхъ выросли бы такими же трезвенными и нравственными людьми, какъ и первые".

Вотъ въ краткихъ словахъ основныя черты соціальной системы Роберта Оуэна, которую онъ съ 1812 г., начала своей публичной агитаціи, излагалъ въ цѣломъ рядѣ брошюръ для народа и въ многочисленныхъ докладныхъ запискахъ государственнымъ дѣятелямъ и министерствамъ Европы.

Человѣкъ — продуктъ среды; нищета и преступленія — слѣдствія ненормальныхъ общественныхъ отношеній, несоотвѣтствующихъ человѣческой природѣ. Съ введеніемъ нормальныхъ общественныхъ отношеній, соотвѣтствующихъ человѣческой природѣ, исчезаютъ нищета и преступленія. Итакъ, слѣдуетъ дѣйствовать введенію такихъ отношеній, что въ интересахъ всѣхъ людей, потому что всѣ, безъ исключенія, страдаютъ отъ господства ненормальныхъ отношеній. Каждый человѣкъ имѣетъ одинаковое право на благосостояніе, поскольку это позволяютъ успѣхи цивилизаціи и производства, и право на наивысшее развитіе своихъ физическихъ и умственныхъ способностей. Поэтому для общества необходимо, чтобы всѣ дѣти получили, по возможности, совершенное воспитаніе, чтобы существующія нынѣ классовое раздѣленіе и господство классовъ уступили мѣсто организаціи, которая допускала бы одинаково каждаго члена общества къ общественной работѣ и давала бы ему возможность вести человѣческій образъ жизни. Для этой цѣли земля должна быть общественнымъ достояніемъ, а мѣсто наемной платы и капиталистической эксплоатаціи должно занять производство на товарищескихъ началахъ. Общество распадается на *извѣстное количество* „домашнихъ колоній"—„Home Colonies", *состоящихъ изъ* ассоціацій въ 500—2500 человѣкъ, *которые занимаются* земледѣліемъ и промышленностью на

общинныхъ началахъ, съ прекращеніемъ столь губительн
противорѣчія между городомъ и деревней; онѣ имѣютъ с
самоуправленіе, образуютъ центральное правленіе изъ делегато
на обязанности котораго лежитъ урегулированіе производс
и потребленія союзныхъ колоній и веденіе сношеній съ заг
ницей, организующейся на тѣхъ же началахъ. Таковы об
очертанія. Мы здѣсь не можемъ вдаваться въ подробнос
Отмѣтимъ только, что Оуэнъ критиковалъ существующее
ложеніе вещей съ рѣзкостью, до которой никто никогда
доходилъ, и что, основываясь на опытѣ, пріобрѣтенномъ
въ Нью-Ланаркѣ, онъ въ своихъ предложеніяхъ рефо
никогда не покидалъ почвы конкретныхъ условій. Все,
онъ предлагалъ, выполнимо и будетъ, безъ сомнѣнія, ког
нибудь выполнено въ главныхъ чертахъ; онъ ошибается л
въ томъ, какъ этого добиться. Въ странномъ противорѣ
съ своимъ собственнымъ ученіемъ о томъ, что челов
является продуктомъ обстоятельствъ, Оуэнъ держался дѣтс
вѣры въ то, что князья и властители сего „безнравственн
міра“ станутъ во главѣ движенія и будутъ способствов
мирной побѣдѣ общественной реформы *).

Князья и высокопоставленныя лица, понятно, не ску
лись предъ Ланаркскимъ реформаторомъ на прекрасныя обѣ
нія. Русскій Императоръ Александръ, посѣтилъ его са
лично и осыпалъ похвалой; точно также и король Фридри
Вильгельмъ Прусскій, который собственноручно написалъ Оуэ
что Оуэновская система, насколько это позволятъ „обстояте
ства“, будетъ введена въ Пруссіи, что и случилось въ д
ствительности. Къ сожалѣнію, обстоятельства „не позволи
самаго лучшаго. Но всѣмъ, что было хорошаго въ домант
фелевской и добисмарковской школьной системѣ, обязаны п
мѣру и поощренію Оуэна. Въ 1818 г. Оуэнъ посѣтилъ Ах
скій конгрессъ, чтобы добиться поддержки собравшихся т

*) Оуэнъ постоянно называетъ себя реформаторомъ, хотя о
стремился къ революціонному преобразованію общества; и если
ражаясь гипотетически, неоднократно называлъ мирно протек
общественную революцію общественной реформой, то я могъ в
случаѣ сослаться на Роберта Оуэна.

адѣтельныхъ князей. Его улещали сладкими рѣчами, но ни-го не было сдѣлано. Онъ проектировалъ международный онгрессъ для обсужденія и разрѣшенія соціальной пробле мы. оскольку это было удобно князьямъ, этотъ планъ былъ вы-олненъ, но лишь черезъ 54 года, на пресловутомъ Штибе-овскомъ конгрессѣ 1872 г. *) въ Берлинѣ.—Тотъ, кому ны-ѣшній безнравственный міръ приноситъ выгоду, тотъ не будетъ его отмѣну; тотъ долженъ похоронить и похоронить его, ому онъ приноситъ вредъ.

Однако, Оуэнъ не полагался исключительно и даже глав-имъ образомъ на князей и тому подобныхъ сливокъ обще-ва. Онъ старался прежде всего воодушевить рабочихъ идеей хъ эмансипаціи и основалъ производительныя товарищества— ервыя въ Англіи и во всемъ мірѣ.

Въ 1812 г. онъ читалъ въ Гласго докладъ о необходи-ости уменьшенія рабочаго дня, а въ 1815 г. набросалъ ервый законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, которому онъ, утемъ хитрости, обезпечилъ поддержку старшаго Пиля и ко-орый въ 1819 г., хотя и изуродованный въ видѣ 12-ча-ового закона, былъ принятъ парламентомъ и составляетъ ервую основу англійскаго фабричнаго законодательства. **)

Наконецъ, Оуэнъ рѣшился въ 1817 г. порвать открыто ъ религіей. На одномъ митингѣ въ Лондонѣ (21 Августа 817 г.) онъ объявилъ, что религія—корень всякаго зла и евѣжества, и что нѣтъ для человѣчества спасенія до тѣхъ оръ, нока оно не освободится отъ узъ религіи. Сановники еркви, которые до того времени снисходительно похлопывали уэна по плечу, съ той минуты выступили съ сильнѣйшею раждебностью противъ него, тѣмъ болѣе, что онъ высказался противъ брака въ его теперешнемъ видѣ. Оуэнъ дѣлалъ азличныя попытки, чтобы осуществить въ миніатюрѣ свой „новый моральный міръ“. Самая извѣстная изъ нихъ это ко-

*) За конгрессомъ Штибера 1872 г. послѣдовали во множествѣ и yrie, а если тотъ Штиберъ теперь и не въ живыхъ, то остались и rie Штиберы.

**) До принятія парламентомъ закона о 10-тичасовомъ рабочем прошло почти человѣческое поколѣніе (1845).

лонія „Новая гармонія“ (New Harmony) въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Оуэнъ купилъ тамъ въ 1825 г. у секты Раппитовъ 30.000 акровъ, расположенныхъ въ Индіанѣ и Иллинойсѣ, и частью обработанный участокъ земли, на которомъ долженъ былъ быть устроенъ образцовый міръ въ миніатюрѣ и дано наглядное доказательство правильности ученія Оуэна.

Предпріятіе потерпѣло неудачу,—полную неудачу, потому что оно должно было ее потерпѣть. Подробности не входятъ въ рамки этой статьи, достаточно, что крушеніе было неизбѣжно, необходимо, обусловлено характеромъ самого предпріятія. Перенести въ само нынѣшнее общество точку опоры, съ помощью которой это общество должно быть сдвинуто съ мѣста, это значитъ съ самаго начала поставить себѣ задачу, безсмыслица которой ясна каждому школьнику, знакомому съ изреченіемъ Архимеда*), задачу, которая такъ же невыполнима по своему существу, какъ и то, возможно или невозможно Мюнхгаузену взобраться на луну при помощи собственной косы. Оуэнъ самъ до конца скрывалъ отъ себя общее фіаско, допуская лишь неудачу въ отдѣльныхъ пунктахъ и приписывая ее всевозможнымъ стучайностямъ. Но, не будь этихъ случайностей, были бы другія; формы, въ которыхъ совершаются историческія и общественныя событія, всегда болѣе или менѣе случайны; содержаніе же послѣднихъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ вылиться въ самыя разнообразныя формы, а потому оно не менѣе необходимо. Паскаль однажды сказалъ, что, будь носъ Клеопатры длиннѣе или короче на нѣсколько линій, всемірная исторія приняла бы другой оборотъ. Совершенно вѣрно, что въ такомъ случаѣ Антоній не пустился бы въ погоню за Клеопатрой у Акціума, предоставляя побѣду Октавію, но на процессъ распаденія мірового государства римлянъ это не имѣло бы никакого вліянія.

Мы читаемъ слѣдующее въ краткомъ Curriculum vitae *(жизнеописаніи)*, приложенномъ Оуэномъ къ призыву принять

*) *«Дайте мнѣ самую маленькую точку опоры внѣ земного шара, и сдвину земной шаръ съ мѣста».*

на себя общественную реформу, съ которой онъ обратился въ 1841 г. къ тори, виги и чартистамъ, къ приверженцамъ господствующей церкви, католикамъ, диссидентамъ и невѣрующимъ, къ производителямъ и непроизводителямъ Великобританіи и Ирландіи. Онъ, Оуэнъ, въ теченіе тридцати лѣтъ оставался во главѣ Нью-Ланаркскаго учрежденія и все это время непрерывно и успѣшно производилъ едва ли не важнѣйшій опытъ основанія человѣческаго счастья, который когда либо предпринимался. Съ Нью-Ланаркомъ онъ разстался лишь послѣ четвертой своей поѣздки въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Онъ отказался отъ этого завиднаго положенія для того, чтобы имѣть полную свободу для агитаціи и посвятить всѣ свои силы рѣшительному преобразованію общества. Въ Нью-Ланаркѣ онъ убѣдился въ правильности своихъ принциповъ, предпринявъ ихъ практическое примѣненіе при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, проистекавшихъ отчасти изъ естественной оппозиціи противъ эксперимента, который, хотя и находилъ всеобщее одобреніе, однако, долженъ былъ подорвать въ глазахъ толпы довѣріе къ прежнему обществу и вѣру въ его вредные принципы.

Со времени прекращенія своихъ отношеній съ Нью-Ланаркомъ, авторъ избралъ своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ Лондонъ —родину всего цивилизованнаго міра. Въ этомъ центрѣ общества онъ могъ вести болѣе дѣйствительную борьбу съ заблужденіями, которыя, будучи сильнѣе выражены, рѣзче всего выступаютъ наружу. Въ промежуткѣ между осенью 1824 г. и лѣтомъ 1829 г. авторъ побывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Вестъ-Индіи и Мексикѣ. Тремя годами раньше онъ во время путешествія посѣтилъ правительства Франціи, Австріи, Пруссіи, Баваріи и Саксоніи, и лишь недостатокъ времени помѣшалъ ему продлить поѣздку до Петербурга, Гааги и Бельгіи. Всѣ эти путешествія онъ совершилъ для того, чтобы способствовать великой цѣли своей жизни—устроить постоянное благополучіе человѣческаго рода...

Такъ говоритъ Оуэнъ объ Оуэнѣ, а онъ никогда не лъ.

Мы должны здѣсь упомянуть объ удачной попыткѣ, ко
рую Оуэнъ сдѣлалъ въ 1829 г. на дипломатическомъ
прищѣ. Между Англіей и Соединенными Штатами возни
разногласіе, которое грозило вызвать войну, благодаря вза
ному раздраженію и неумѣлости политиковъ, ремесленнико
Оуэнъ, котораго глубоко уважалъ тогдашній американскій п
зидентъ Джексонъ, а также и его секретарь Ван-Буре
воспользовался своимъ пребываніемъ въ Соединенныхъ Ш
тахъ для того, чтобы подробно обсудить съ обоими спор
пункты. Въ результатѣ, онъ могъ довести до свѣдѣнія англ
скаго правительства о готовности американскаго правительс
заключить мировую сдѣлку, и въ теченіе нѣсколькихъ нед
споръ, благополучно доведенный профессіональной дипломат
до порога войны, былъ разрѣшенъ безъ всякихъ затрудненій;
весьма поучительное Reductio ad absurdum увертливаго
хитраго дипломатическаго искусства честнымъ и здрав
человѣческимъ разумомъ.

Въ 1832 г. Оуэнъ основалъ свой извѣстный мѣно
банкъ, который съ потребительнымъ обществомъ и произво
тельными товариществами постепенно долженъ былъ осво
дить рабочихъ отъ зависимости съ помощью взаимнаго к
дита. Планъ потерпѣлъ крушеніе, столкнувшись съ тѣмъ
стокимъ фактомъ, что кредитъ тѣхъ, которые ничего не и
ютъ, не имѣетъ никакой цѣны, точно такъ же, какъ и
лѣтъ спустя пресловутый банкъ Прудона, идею котораго Оу
и въ этомъ отношеніи предвосхитилъ.—Между 1836-1838
Оуэнъ выпустилъ въ свѣтъ свою главную работу „The N
Moral World „Новый нравственный міръ“. Въ 1844 г.
снова въ пятый разъ отправился въ Америку и остался т
нѣсколько лѣтъ; въ 1849 г., вернувшись въ Англію, онъ
печаталъ свой трудъ „Революція духа и практики“; въ 18
г.—„Письма къ человѣческому роду“, въ 1851 г.—„Дневн
Роб. Оуэна“, въ 1853-1856 г.—„Раціоналистическій трех
сячникъ“, „*Новую родину* человѣка на землѣ“, „Газету
сячелѣтняго государства“—„Millenial gazette“. Въ 1857
свою автобіографію. Въ 1857 г., въ возрастѣ 86 лѣ

ще бодрый и неутомимый, Оуэнъ созвалъ въ Лондонѣ „Конгрессъ передовыхъ людей міра“. 12 Мая „Конгрессъ“ дѣйствительно былъ открытъ, но „передовые люди міра“ блистали своимъ отсутствіемъ. Тѣмъ не менѣе, Оуэнъ усердно посѣщалъ въ теченіе 14 дней, до 25 Мая, назначенныя засѣданія и читалъ и объяснялъ публикѣ, состоявшей большею частью только изъ любопытныхъ, заготовленные „адресы“, обхватывающіе всю область соціальныхъ реформъ. Не будемъ останавливаться на „адресахъ“ и принятыхъ рѣшеніяхъ: они имѣютъ для насъ интересъ лишь постольку, поскольку они показываютъ, съ какимъ упорствомъ Оуэнъ держался своихъ идей, и сколько въ немъ сохранилось умственной свѣжести и непоколебимой вѣры въ дѣло, за которое онъ боролся, несмотря на возрастъ и многочисленныя разочарованія. Эта удивительная сила, которую онъ черпалъ въ своихъ идеяхъ и которая такъ же мало старилась, какъ и эти самыя идеи, составляетъ особенность характера Оуэна, раздѣляемую имъ лишь съ немногими.

Конгрессу суждено было имѣть эпилогъ, который выставилъ въ рѣзкомъ противорѣчіи другъ къ другу истинную и фальшивую филантропію. Мѣсяцъ спустя послѣ конгресса, отъ 12—24 іюня 1857 года, въ Лондонѣ, въ великосвѣтскомъ Willy Room, *) засѣдала конференція о воспитаніи, спеціально для обсужденія, какъ воспрепятствовать тому, что „дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ берутъ изъ школы“ въ такомъ раннемъ возрастѣ. Уже порядокъ дня показывалъ стремленіе „конференціи“ избѣгнуть сути вопроса: не въ томъ зло, подлежащее устраненію, что дѣтей бѣдняковъ берутъ изъ школы въ столь раннемъ возрастѣ, а въ томъ, что дѣти бѣдняковъ все равно не получаютъ никакого воспитанія; очень многія, вообще, не попадаютъ въ школу, такъ какъ въ Англіи нѣтъ принудительнаго образованія.

На конференціи лично предсѣдательствовалъ принцъ Альбертъ, *супругъ королевы*, и въ ней принималъ участіе весь

*) *Комната, хоромы.*

цвѣтъ англійскаго дворянства и духовенства, буржуа, расположенные къ рабочимъ, модные писатели, однимъ словомъ, все, что было проникнуто высокой соціально-гастрономической мудростью, состоящей въ томъ, чтобы при сытомъ желудкѣ взирать на нищету голодающаго народа, а «филантропію» использовать, какъ пріятное и дѣйствительное средство для пищеваренія и возбужденія аппетита. Изъ этой конференціи никто не былъ исключенъ: публика, интересовавшаяся народнымъ образованіемъ, спеціально была приглашена. Оуэнъ послѣдовалъ приглашенію. Если былъ въ Англіи, если былъ во всемъ мірѣ человѣкъ, который доказалъ свой интересъ къ предмету, значившемуся въ порядкѣ дня, то это былъ Робертъ Оуэнъ, и если былъ въ Англіи и во всемъ мірѣ человѣкъ, который прежде всего и всякаго другого былъ призванъ къ тому, чтобы говорить по вопросу, стоявшему на очереди и требовать вниманія къ своимъ словамъ, то это былъ Робертъ Оуэнъ. Робертъ Оуэнъ, въ которомъ олицетворялись всѣ стремленія XIX столѣтія къ реформѣ воспитанія, законодатель и реформаторъ Нью-Ланарка, основатель дѣтскихъ садовъ, отецъ современной школы, Робертъ Оуэнъ, 86-лѣтній старецъ, священный по своему прошлому, по бѣлоснѣжнымъ волосамъ, входитъ въ собраніе сановниковъ-филантроповъ, денежныхъ тузовъ и придворныхъ шутовъ, которые явились туда, чтобы въ сіяніи княжескаго солнца выполнить задачу своей жизни, т. е. отдохнуть отъ напряженія своего послѣдняго пиршества и приготовиться къ новому. Это было въ послѣдній день конференціи. Принцъ-супругъ еще не прибылъ. Вмѣсто него предсѣдательствовалъ Лордъ Гранвиль.

На Оуэна, еще до начала засѣданія письменно заявившаго о своемъ намѣреніи говорить объ одной изъ предложенныхъ резолюцій, смотрятъ, какъ на привидѣніе. Ни одного сочувственнаго взгляда. Его старый другъ лордъ Броугэнъ, плебей, ставшій придворнымъ, имѣетъ для него лишь сконфуженную улыбку, выдающую лакейское отсутствіе убѣжденій. *Предоставимъ самому* Оуэну разсказать о томъ, что затѣмъ *произошло.*

«Каково же было мое изумленіе, когда секретарь конференціи мнѣ сообщилъ, что я не вправѣ говорить о предлагаемыхъ резолюціяхъ, если не имѣю внести поправокъ. Хорошо,— возразилъ я,— тогда я внесу поправку; когда же очередь дошла до меня, то, наперекоръ принятому въ публичныхъ засѣданіяхъ обычаю (а послѣднее засѣданіе конференціи было ясно объявлено публичнымъ), мнѣ отказываютъ въ словѣ, если я передъ тѣмъ, какъ говорить, не подамъ письменной поправки. Я и на это согласился и написалъ свою поправку. И не смотря на это, мнѣ не дали слова: поправка, молъ, слишкомъ неопредѣленна. Если бы мнѣ позволили ее обосновать, то я доказалъ бы, что она никоимъ образомъ не была неопредѣленной. Я же внесъ совершенно опредѣленную поправку, сводившуюся къ тому, чтобы для дѣтей бѣдняковъ приняли систему воспитанія, мною введенную и проведенную съ такимъ общепризнаннымъ успѣхомъ въ Нью-Ланаркѣ. Тогда мнѣ заявили, что это не поправка, а самостоятельная резолюція, а потому и недопустимая. Мнѣ стало ясно, что существовалъ заранѣе принятый планъ не допускать меня къ слову потому, что комитетъ, устроившій конференцію, сознавалъ свою слабость и боялся, что она будетъ мною обнаружена въ присутствіи публики».

Такъ гласитъ докладъ Оуэна. Одинъ изъ присутствовавшихъ, мистеръ Байнсъ, которому напомнили отзывъ его отца въ пользу воспитательной системы въ Нью-Ланаркѣ, обнадежилъ Оуэна тѣмъ, что о ближайшей резолюціи ему удастся говорить. Это была лишь недостойная игра, которую вели со старикомъ. Означенная резолюція предлагается и обосновывается. Оуэнъ хочетъ внести свою поправку, но предсѣдатель, сговорившись заранѣе, предлагаетъ голосовать, объявляетъ резолюцію принятой и закрываетъ засѣданіе. Это была послѣдняя резолюція, стоявшая на очереди. Въ восторгѣ отъ удавшейся выходки гг. засѣдатели воспитательной конференціи поспѣшили *покинуть залъ*, оставивъ самаго выдающагося реформатора *новѣйшаго времени* въ дѣлѣ воспитанія передъ пустыми скамьями.

почти безчувственнаго Оуэна, въ сопровожденіи его вѣрнаг
Ригби, въ гостиницу, гдѣ онъ остановился. Больше часа Оуэн
лежалъ въ глубокомъ обморокѣ, потомъ пришелъ въ себя
спросилъ, о чемъ онъ говорилъ на конгрессѣ; когда же ем
передали содержаніе его словъ, онъ тихо произнесъ: «хорош
это я желалъ сказать» и снова впалъ въ безсознательное со
стояніе. Въ продолженіе 14 дней онъ былъ прикованъ къ по
стели. Однажды утромъ - это было въ началѣ ноября — он
удивилъ Ригби приказаніемъ немедленно укладываться. «М
должны уѣхать». «Куда? Обратно въ Лондонъ?»—«Въ Нью
Портъ». И никакія возраженія не помогли. Его тянуло н
родину, къ мѣсту своего рожденія, котораго онъ не видал
50 лѣтъ. Онъ хотѣлъ умереть на родной почвѣ. О томъ
какъ онъ тамъ бродилъ нѣсколько дней, вызывая воспоминанія
молодости, какъ онъ заходилъ въ жилища старыхъ знакомых
и получалъ въ отвѣтъ отъ удивленныхъ домовладѣльцевъ
«умеръ 20, 30, 40 лѣтъ тому назадъ»; о томъ, какъ н
разговорѣ съ посѣтителями, съ благоговѣніемъ смотрѣвшим
на чудесное явленіе, на привидѣніе, возвратившееся из
давно прошедшихъ временъ, онъ съ согбенной голово
но съ блестящимъ взоромъ предсказывалъ близкую побѣд
новаго міра надъ старымъ; какъ, будучи уже во власт
смерти, онъ еще совѣщался съ городскими чиновниками
Нью-Порта о санитарныхъ улучшеніяхъ и устраненіи бѣ
ности въ общинѣ, — обо всемъ этомъ мы можемъ лиш
вскользь упомянуть. Наступилъ день, когда онъ больше уж
не могъ подняться съ своего ложа; приглашенный врач
не давалъ никакой надежды. Старшій сынъ Оуэна, един
ственный изъ его дѣтей, бывшій тогда въ Англіи, по
спѣшилъ изъ Лондона къ смертному одру отца, который при
нялъ его весело и въ невозмутимомъ состояніи духа. Церков
ный ректоръ, не желавшій отказаться отъ славы обратить н
путь истины такого «закоренѣлаго невѣрующаго», велѣлъ до
ложить о себѣ, чтобы прочесть Библію умирающему и дат
ему *духовное напутствіе*. «Нѣтъ, нѣтъ»,—вскричалъ Оуэн
повелительнымъ тономъ, быстро повернувшись. Другой св

ященникъ сумѣлъ втереться; онъ имѣлъ дерзость спросить
ного дѣятельнаго изъ друзей человѣчества: «Не раскаи-
етесь ли Вы въ томъ, что потратили жизнь на безплодныя
илія и невыполнимые планы?».—«Нѣтъ, сударь, я не даромъ
отратилъ жизнь. Я возвѣстилъ міру важныя истины, и если
міръ ихъ не призналъ, то лишь потому, что онъ ихъ не
онялъ. За это я его не порицаю. Я опередилъ свое время».

Преклоняясь передъ такой силой убѣжденія, священникъ
ознался, что онъ никогда не встрѣчалъ болѣе послѣдова-
ельной философіи. Онъ могъ бы сказать, что христіанская
ерковь всѣхъ исповѣданій не можетъ указать ни одного вѣ-
рующаго, который имѣлъ бы право оглянуться на свою жизнь
съ такимъ же удовлетвореніемъ, какъ этотъ «закоренѣлый
невѣрующій».

17-го Ноября 1858 г., въ $^3/_4$ седьмого утра, Оуэна не
ало. «Его послѣднія слова,- пишетъ сынъ,—сказанныя ясно
а 20 минутъ до смерти, были: «избавленіе *) наступило».

Избавленіе наступило! Не въ религіозномъ смыслѣ могъ
потребить это выраженіе принципіально непоколебимый про-
ивникъ религіи; нѣтъ сомнѣнія, что мысль, руководившая имъ
ъ жизни, владѣла имъ и передъ смертью и позволила ему
рочески узрѣть время, когда рухнетъ испорченный без-
равственный міръ классоваго господства и одурманиванія на-
одныхъ массъ, и освобожденное человѣчество ликующе воскли-
етъ: «освобожденіе наступило».

20-го Ноября 1858 г., это было воскресенье, вынесли
объ Оуэна изъ гостиницы, гдѣ онъ умеръ, и внесли его въ
мъ, гдѣ онъ родился; простой гробъ, обшитый чернымъ сук-
мъ, съ надписью на немъ:

Robert Owen of New-Lanark. Born May 14, 1771.
Died November 17, 1858.

(Робертъ Оуэнъ, изъ Нью-Ланарка, родился 14 Мая
771 г., умеръ 17 Ноября 1858 г.).

*) *Дословно: облегченіе*, освобожденіе (для осажденной кре-
пости).

На слѣдующій день состоялось погребеніе, простое, безъ всякой пышности, какъ Оуэнъ этого хотѣлъ, въ присутствіи старшаго сына и многочисленныхъ друзей и приверженцевъ, съѣхавшихся изъ всѣхъ частей Англіи.

Такъ жилъ и умеръ Робертъ Оуэнъ, другъ народа, другъ человѣчества.

Дозволено цензурою. Вильна, 7 іюля 1905 г.

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія:

	Цѣ
Э. Вандервельдъ. «Промышленное развитіе и общественный строй»	»
Клара Цеткина. «Женщина и ея экономическое положеніе» II изд.	»
Ф. Энгельсъ. «Къ критикѣ политической экономіи» II изд.	»
Его-же. «Отъ утопіи къ научной теоріи»	»
«Наемный Трудъ и Капиталъ», пер. съ нѣм., II изд.	»
В. Гюго. «Кладъ Гё»	»
«Итоги 48-го года» (статьи изъ «Новой Рейнской Газеты»).	»
Э. Вальянъ. Кризисъ и безработица	»
Ф. Лассаль. Принципы труда въ современномъ обществѣ	»
Его же. Сущность конституціи (2 рѣчи)	»
Законодательные акты Франціи. (Декларація правъ человѣка и гражданина. Конституція 1791, 93, 1848, 75 гг.). Переводъ съ франц. съ предисловіемъ Р. Лемберкъ	»
Н Рожковъ. О формахъ народнаго представительства	»
Г. Краузе. Происхожденіе антисемитизма въ Германіи	»
П. Лафаргъ. Проданный аппетитъ	»
П. Юшкевичъ. Объ избирательномъ правѣ.	»
«Идеи марксизма въ Германской рабочей партіи».	»
С. Ержевскъ. Основы государственнаго устройства на Западѣ	»
К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Философія исторіи.	»
«Ф Энгельсъ». Біографическій очеркъ	»
Три біографіи. (Гедъ Лафаргъ, Вальянъ)	»
К. Каутскій. «Экономическое развитіе и общественный строй» (Комментаріи къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда). Полный переводъ съ послѣдняго нѣм. изданія, съ предисловіемъ автора.	»
Гедъ, Лафаргъ, Вальянъ. Біографическій очеркъ	»

Лица, выписывающія изъ главнаго склада (С.-П
бургъ, Ямская 36) на сумму не менѣе двухъ рубл
пересылку не платятъ.

Деньги просятъ высылать впередъ (можно и почт
марками).

Книгопродавцы пользуются безплатной пересылкой
заказахъ на сумму не менѣе 15 рублей (въ пред
Европейской Россіи и Кавказа).

Дозволено цензурою. Вильна, 7 іюля 1905 г.